

Илья Афроимович Туричин

Лида Матвеева

Лида сидела на старом скрипучем стуле у небольшого чердачного оконца и покачивалась. Она любила покачиваться и слушать, как скрипит стул: «Пи-и... пи-и...» Словно птица щебечет.

Увидела бы бабушка, непременно сказала сердито:

— Не слезь. Не капель.

Но бабушка на огороде который раз перекапывает картофельник. Там уж и самой малой картошины — с горошину — и то не осталось. А бабушка всё копает. Верно, забыться хочет в работе.

«Пи-и... пи-и...» — поскрипывал старый стул, а Лида прислушивалась к скрипу и вспоминала...

Ещё до войны приехала она к бабушке сюда, в Подмосковье, на каникулы.

Несколько месяцев всего и прошло-то с того дня, а кажется, было это давным-давно!

Бабушка встретила её на Ленинградском вокзале в Москве. И пока перебирались на автостанцию, Лида восторженно смотрела на московские улицы, залитые жарким летним солнцем, шумные, весёлые.

Потом ехали в автобусе до Рузы.

Потом на лошади до Иванова. Лида закрывала глаза, подрёмывалась, и виделась ей сквозь сон весёлая, яркая столица.

А потом началась война. Бабушка не пустила Лиду в Ленинград, домой, к маме.

— Не бывать Гитлеру здесь. Погонят, — говорила она убеждённо.

Лида даже начала было учиться в местной школе.

Но фашисты всё-таки пришли.

Днём и ночью грохотали где-то возле Рузы пушки. Выли самолёты. Ревели моторы машин.

Фашисты рвались к Москве.

— Всё равно не пустят, — твердила бабушка. — Не бывать Гитлеру в нашей Москве.

По ночам Лида слышала, как бабушка ворочается и вздыхает, и всхлипывает от горя.

«Пи-и... пи-и...» — поскрипывал старый стул, а Лида думала и смотрела в оконце.

За оконцем пустая, словно слепленная из грязи, улица. И избы, словно сложены из обгорелых спичек, мокрые, тоскливы. Это потому, что идут дожди, и ещё потому, что война. И даже деревенская улица и старые избы тоскуют в неволе.

И пусто-пусто, даже курицы не увидаишь.

Вдруг Лида заметила какое-то движение вдали, у края деревни. Словно бы кто-то дорогу перебежал. Кто-то серый.

«Пи-и...» — скрипнул стул и замолк. Лида потёрла ладошкой пыльное стекло.

Показалось?

Нет... Вот ещё одна серая фигура, за ней ещё и ещё... Немцы... Обычно они входили или въезжали в деревню не прячась. Ловили свиней, кур, уток. Тащили подушки, платки — всё, что под руку попадёт.

Отчего ж сейчас они перебегают улицу крадучись и скрываются в поросшем ольхой овраге?

Верно, затеяли что-то. Что? От кого они прячутся? Почему прячутся?

Лида прижалась носом к холодному стеклу.

Два советских танка, сердито рыча и переваливаясь через кочки, двигались лесом.

Передний танк вёл старшина Иван Мороз, опытный, бывалый танкист. Лицо у него было тёмное, обветренное. Над карими глазами нависли рыжеватые клочистые брови. На гимнастёрке горели два боевых ордена.

Другой танк вёл сержант Алёша Сенцов, молодой, голубоглазый, с ямочкой на подбородке, застенчивый парень. Алёша мечтал о подвиге, был влюблён в старшину Мороза, старался во всём подражать ему. Даже говорил с хрипотцой, как старшина.

Лес был рыжим. Прямо на раскисших дорогах росли грибы. Их никто не собирал. Они падали на землю огромными мокрыми блинами.

Алёша вёл свой танк, как было приказано: по следу впереди идущего. И напряжённо следил, как из-под его гусениц выползает нарезанная на кирпичики тёмно-коричневая земля. Будто танк раскладывал на дороге крупные «буханки хлеба».

Алёша родился в Москве, мальчишкой жил на даче недалеко отсюда, возле самой Рузы. И вот

сейчас он вёл машину по родному Подмосковью, узнавая и не узнавая его.

Танки шли в разведку. Дикой и нелепой казалась сама мысль о том, что рядом, в Рузе, фашисты. Их танки, их пушки, резкая картавая речь, звонкие каски, короткоствольные автоматы. Нелепо и обидно.

Танки вышли из леса. Старшина прибавил скорость. И Алёша прибавил.

Впереди показалась деревня.

«Это и есть, верно, Иваново», — подумал Алёша.

Они влетели в деревню, разбрызгивая в стороны мутные лужи. Водители внимательно вглядывались в смотровые щели. Пулемётчики были наготове.

В центре села, на вязком перекрёстке, старшина Мороз остановил свой танк, но мотора глушить не стал. Рядом с танком старшины Алёша поставил свой. Откинулись крышки люков. Старшина высунулся.

— Вроде тихо.

Из ближайшей избы выглянула старуха. Ошеломлённо уставилась на алые звёзды на броне и алые звёздочки на шлемах.

— Что, бабушка, глядишь? Не узнаёшь? — ласково спросил старшина.

Старуха всплеснула руками.

— Родименькие! Да отколе ж вы взялися? Неужто конец супостату? Конец проклятому? — она заплакала, засморкалась в старенький выцветший передник.

— Ещё не конец, бабушка. Но скоро будет. Немцев в селе много?

— Нету... Набегают, изверги. Поберут чего под руку попадёт. Всё в лесу прячем. Да разве всю жизнь в лесу упрячешь? На вас надежда, солдатики!

— Не сомневайтесь, — строго сказал старшина.

В чердачное окошко Лиде видны были подошедшие танки. Сначала она подумала, что они фашистские. Потом приметила алые звёзды на броне и глазам своим не поверила.

«Наши! Откуда ж они взялись тут? Ведь фронт где-то под самой Москвой. Прорвались? Наступление? Неужели гонят фашистов, а она сидит тут на чердаке и ничего не знает? И почему танков всего два?..»

А немцы?.. Лида обмерла, даже дыхание перехватило. Вот зачем немцы спрятались в овраге. Узнали, наверно, про наши танки. Вот и спрятались. Чтобы напасть внезапно.

Засада!

Танкисты попадутся и погибнут. Ведь они не знают, что устроена засада. Надо их предупредить! Во что бы то ни стало! Немцы увидят?.. Пусть... Надо предупредить!..

Лида скатилась по узкой лесенке вниз, больно ушибла колено. В сенях торопливо сунула ноги в резиновые сапожки, проворно надела пальтишко и, уже на ходу накидывая на голову пёстрый платок, выбежала на улицу.

Зачавкала под ногами грязь, разлетелись в стороны мутные брызги. Скорее! Скорее!..

Лида подбежала, задыхаясь, к танкам.

— Товарищи... Танкисты! Уходите! Вас окружают! Там — фашисты! — Лида показала рукой за избы, где был кругой овраг, повторила торопливо; —

Уходите быстрее!

— Спасибо, сестрёнка! — старшина сдвинул клочистые брови. — Сейчас мы их стеганём!

Он захлопнул люк. Взревел мотор. Танк пробежал по улице, потом развернулся, вспахнув гусеницами землю, и ринулся вниз, в овраг. Алёша быстро и точно повторил манёвр старшины.

Фашисты не ожидали нападения. Они ползли навстречу танкам. Увидев вдруг перед собой тяжёлые лязгающие гусеницы, повскакали и бросились врассыпную. Но было уже поздно. С обоих танков ударили пулемёты...

Когда танки, прочесав ольшаник, выбрались из оврага на деревенскую улицу, Алёша краем глаза заметил на перекрёстке ту самую девчушку. Она стояла прямо на дороге, простоволосая, и махала ему своим пёстрым головным платком. Отчаянная девчонка!

Но не один Алёша видел девочку. Заметили её и фашисты. Обер-лейтенант приказал поймать её.

Когда Лиду привели, обер-лейтенант достал из металлического портсигара тоненькую

сигарету, хрустнул зажигалкой, закурил.

Лида заметила, как трясутся у него руки.

– Так это ты предупреждала русский танки об наш передвижений?

Девочка молчала.

Обер-лейтенант жадно затянулся несколько раз. Он был рад, что остался жив. Это был такой кошмар, когда танки повернули и ринулись прямо на них! И всё из-за этой девчонки!

– Тебя как называют?

Странные люди эти русские. Такая маленькая и молчит.

– Я спрашивайт: тебя как называют?

Девочка отвернулась и посмотрела куда-то в угол.

– Я буду тебя повешать,— улыбнулся обер-лейтенант и пустил струйку едкого дыма прямо Лиде в лицо.

Девочка поморщилась.

Обер-лейтенант посмотрел в окно. На улице стояла телега, и несколько солдат складывали на неё убитых.

– Я достоправильно знаю, ты русских предупредила. И я буду тебя повешать. Тебе не есть страшно?

Девочка шмыгнула носом и вдруг засмеялась тихонько. От этого смеха обер-лейтенанту стало не по себе.

– Повесить! – крикнул он по-немецки солдатам, которые привели девочку и стояли возле дверей.— И побыстрее!

Солдаты схватили Лиду за руки, вытолкали из избы на улицу и зашагали по дороге: девочка посередине, солдаты по бокам. У одного из них была верёвка, которую он прихватил в избе.

Лида шла по нарезанной кирпичиками дороге. Скоро вся земля покроется такими кирпичиками. Они пойдут, наши танки! Они пойдут на запад и будут идти до тех пор, пока не прогонят с родной земли всех фашистов!

Придорожные берёзы бросали ей под ноги листву. Листва была жёлтой-жёлтой, и на каждом листке были видны тоненькие жилки. Она старалась не ступать на листья, чтобы не помять их и не запачкать.

Самое главное: не показывать виду, что тебе страшно. Пусть фашисты не думают, что тебе страшно. Выше голову!

Возле своей избы стоял Женяка, её одноклассник. Они сидели на одной парте. Лицо у Женяки встревоженное.

– Куда тебя?

– Вешать,— сказала Лида и помахала ему рукой.

Женяка не поверил.

Солдаты подвели девочку к липе и задрали головы, выбирая сук поудобнее. И она подняла голову и будто впервые увидела эту липу.

Липа была старой, толстой, раскидистой, а листва на ней — почти совсем зелёная. Липа продолжала жить.

Солдат перекинул верёвку через сук. Другой стал завязывать на её конце узел, делать петлю.

Лида следила за движениями грубых перепачканных землёй пальцев. Старалась не думать о том, что они вяжут петлю для неё.

Стало страшно. Стало очень страшно, потому что чужие солдатские лица были спокойны. И пальцы двигались спокойно. Словно вязали не петлю для человека, а обычновенный узел.

Лида отвела от них взгляд, Посмотрела на деревенскую улицу, на тёмную землю, покрытую пятнышками опавших листьев. В Ленинграде, в парке Ленина на Петроградской стороне, столько бывает в это время листьев, что и земли невидно. Они шуршат, шуршат, словно шепчут тебе о чём-то...

Тот солдат, что вязал петлю, молча ‘подтолкнул девочку к дереву. Набросил петлю на её шею, будто бы примерял. Потом затянул.

Лида закашлялась, руками раздёрнула петлю.

Солдат засмеялся.

«Как страшно умирать. Как хочется жить! Дышать этим синим воздухом, ловить падающие листья, дробить сапожками сверкающие лужи!.. —

Она с ненавистью посмотрела на солдат.

– Смеётесь? Смейтесь, смейтесь! Уж вы-то не уйдёте с этой земли живыми! Потому что это не ваша земля. Это – наша, моя земля! Ждёте, что заплачу? Не дождёитесь. И никогда не узнаете, как мне было страшно. Никогда!

Она прикусила губу, чтобы не заплакать.

Солдат нахмурился, крикнул что-то другому, и тот изо всей силы потянул за конец верёвки.

У Лиды потемнело в глазах. Она бы крикнула, но петля перехватила горло.

Верёвка сорвалась. Лида чуть не упала.

Солдаты прокричали что-то друг другу и торопливо начали снова тянуть. И снова верёвка сорвалась.

Лида понимала, что умрёт. Но умереть надо было достойно. Чтобы фашисты никогда не узнали, что ей было страшно.

«Мама... Бабушка... Земля... Прощайте!..»

С презрением посмотрела она на солдат. Сказала сквозь зубы:

– Сейчас я вам покажу, как надо.

Встала на огромный валун, что лежал под липой, и, когда натянулась верёвка, прыгнула с него...

И тот фашист, что спокойно вязал петлю и смеялся, вдруг побледнел, схватился за голову и, бормоча «рус, рус!..», бросился бежать.

Наступила зима.

Фашистов добивали под Москвой.

Снег укрывал пепелища, засыпал разбитые фашистские пушки, миномёты, Мёртвых солдат возле них...

На дорогах снег был нарезан кирпичиками. Здесь прошли краснозвёздные танки. И среди них был танк Алёши Сенцова. Он ворвался в деревню Иваново и остановился на том же перекрёстке, что и тогда, осенью. Алёша открыл люк и выскоцил из машины.

Из избы вышла та же старуха, только она казалась гораздо старее.

– Здравствуйте, бабушка! Вот и мы пришли. Насовсем!

Старуха закивала, задёргала головой. По щекам её текли крупные слёзы.

– Бабуся, девочка тут была в пёстром платке. Она нас осенью спасла, помните? Когда немцы нас окружили. Мне бы повидать её!..

Старуха всё трясла и трясла головой.

– Повесили её в одиночаше. Вон на той липе повесили, ироды.

– Девочку? – голос Алёши дрогнул.

– Повесили, милую... – старуха вдруг села в снег и заголосила, раскачиваясь из стороны в сторону.

Алёша поднял её, спросил осторожно:

– Родня ваша?

– Все мы, сынок, родня нонче, когда беда такая... Бейте их, жгите дотла, дотла!..

– Прощайте, бабуся, – Алёша забрался в танк. И танк, будто поняв хозяина, рванулся вперёд. Но Алёша сдержал его. Круто развернул, подняв снежную пыль. Выглянул из люка.

– А как звали её, бабушка?

– Лидой. Матвеева Лида. Из Ленинграду она. Лида Матвеева.

Танк ушёл, а старуха долго смотрела вслед, и по щекам её всё текли и текли крупные слёзы.

Нелёгкий путь прошёл Алёша, старшина Алексей Сенцов.

Тонул.

Горел.

В госпиталях лежал дважды.

И снова – переправы, бои, сёла, города.

И каждый раз, когда приходилось трудно, Алёша вспоминал девочку из деревни Иваново, ленинградскую пионерку Лиду Матвееву. Как живая, вставала она в солдатской памяти: в резиновых

сапожках, заляпанных грязью, в пёстром платке, из-под платка выбилась светлая-светлая, будто соломенная, прядь, а строгие глаза смотрели твёрдо.

Лида Матвеева всегда была рядом. Помогала выползти из горящего танка, выплыть на берег, выжить, победить.

И в память о ней в освобождённых городах на обгорелых стенах домов старшина Алёша Сенцов писал мелом две буквы: «Л. М.» – Лида Матвеева.

Имя юной героини Лиды Матвеевой занесено в Книгу почёта Московской областной пионерской организации им. В. И. Ленина.

Публикуется по: Туричин, И. Лида Матвеева. – М., 1967.